Глава 167.

После долгого обсуждения королева Лейла наконец сказала Милтону следующее:

[Я никогда не слышала ни о ком, кто мог бы так рассуждать, дорогой, но в этом есть смысл. Возможно, лучше идти в ногу с тенденциями, а не пытаться их блокировать.]

Она согласилась с идеей мужа. Кризис и возможность были как две стороны одной медали. Милтон планировал воспользоваться этим кризисом и превратить его в возможность, которая, по его мнению, принесет стране большие изменения. Он приготовился к этому и теперь стоял перед толпой.

Милтон повысил свой голос и обратился к толпе.

- Из-за республиканства вы не примете монархию. Это все?

- Вот именно! Мы не сдадимся до того дня, пока не построим рай с республиканством.

- Мы никогда не уступим угнетателю!

- Оставьте нас!

Не имело значения, были ли великий герцог Форрест и королева Лейла справедливыми и способными правителями. Республиканизм не признавал монархов. Основная концепция, которую отстаивали республиканцы в этом мире, заключалась в том, что все люди равны. И поэтому, даже если бы Милтон попытался использовать свой авторитет монарха, чтобы убедить их, границы просто постоянно проводились бы. Но он исказил эту линию.

- То, что вы говорите, имеет смысл.

- Угнетатели должны... что?

- Что он только что сказал?

Люди в толпе широко раскрыли глаза и смотрели на Милтона; они не могли поверить в то, что он только что сказал. Говоря это, великий герцог продолжал вбивать клин все глубже.

- По своей природе люди равны. Это устаревший образ мышления - определять превосходство человека на основе статуса и класса.

Воздействие слов Милтона было огромным. Монарх страны... Человек, находящийся на самой

вершине социальной иерархии, только что отринул классовую систему.

***

- Черт возьми…

В тенистой части леса стоял человек и наблюдал за толпой. Это был Давид. Он спланировал все это из-за кулис. Но сейчас он грыз ногти, а его лицо исказилось.

- Что, черт возьми, он делает? Просто заткнитесь и бейтесь. Поторопитесь и покусайте друг друга, как собаки. Убивайте и умирайте.

Что, черт возьми, это было? Он разработал и реализовал идеальный план. Хотя герцог Палан предпринял несколько попыток в середине, такое противостояние было ничем для Давида. Он умело разъярил людей и заставил 100 000, нет, почти 200 000 человек собраться вместе и превратиться в беснующуюся толпу.

Но только один человек. Они не могли пойти против одного-единственного человека, Милтона Форреста. Это был всего лишь сам Милтон, он не взял с собой ни одного солдата, однако никто не мог обойти его вниманием или недооценивать. С самого начала и до конца толпа была полностью очарована им, она раскачивалась и колебалась.

Это было неприемлемо. Давид вселил в толпу более чем достаточно ненависти и злобы, чтобы люди были переполнены гневом. И все же, они были потрясены речью одного человека? Этого нельзя было допустить. Если бы так продолжалось и дальше, все планы Давида потерпели бы крах.

В тоже время Милтон заговорил об отрицании системы статусов. Как только он сказал об этом, Давид сжал кулак.

«Этот дурак, он просто кусает себя за задницу».

Возможно, это было решение, которое Милтон принял на месте, чтобы успокоить разъяренную толпу. Но как мог человек, находящийся на вершине власти, отрицать социальную систему? Такая ложь никогда не была бы принята разъяренной людьми. Такому человеку никогда нельзя доверять.

«Тупой ублюдок. Теперь для тебя все кончено».

Давид был убежден в скорой кончине Милтона.

***

Слова Милтона на мгновение убедили толпу, но затем кто-то заговорил.

- Я в это не верю.

- Верно. Это всего лишь слова, как мы можем верить пустым речам?

- Разве не вы уничтожили нашу Республику?

Гнев толпы грозил захлестнуть Милтона. Однако он был странно спокоен.

«Могу ли я показать хотя бы десятую часть искренности этой легенды?»

Он готовился и тренировался заранее, но если задуматься сейчас, все казалось бесполезным. Их убеждения были слишком сильны, чтобы убедить их тонкой ложью. Для того чтобы достучаться до сердец таких людей, Милтону нужно было говорить слова искренне, а не произносить величественную и внушительную речь. Вот почему Милтон пришел сюда с решением воссоздать «эту легенду».

Он обратился к разъяренной толпе.

- Я не сторонник республиканства. Мне известно, что утопия, которую пропагандирует Республика, - это иллюзия, которую невозможно достичь.

- Это ложь.

- Не оскорбляй наши убеждения!

Толпа начала злиться, но Милтон заговорил прежде, чем люди успели разбушеваться.

- Я не лгу. Если Республика была идеальной утопией, то почему вы были оборванцами и нищими под республиканским флагом?

Несколько человек закрыли рты, услышав его вопросы. В частности, не смогли ответить те, кто понял, что их жизнь стала лучше, чем была, когда они жили как республиканцы. Была ли Республика совершенной и равноправной страной? Все ли могли жить в мире, не чувствуя голода? Нет. Поскольку они жили в ней, то знали все лучше, чем кто-либо другой. Поскольку Республика ставила на первое место военное дело, народ всегда был вынужден платить чрезмерные налоги. И хотя Республика заявила, что люди все равны, те, кто занимал важные посты в стране, имели такую же власть, как и дворяне.

Они давно знали, что Республика не была идеальной. Люди знали все это, но лучше пусть они

упиваются утопией равного мира, о котором им говорили, чем подвергаются иррациональному гнету королевства. Просить таких людей быть верными королевству - это вызовет лишь негативную реакцию. То, что Милтон планировал предложить, было совершенно другим будущим.

- Система статусов сохранялась в этом мире долгое время, но сейчас она слишком архаична. Республиканизм всего лишь показывает вам идеальную утопию. Это фантастический мир, который никогда не будет получен обычными людьми. Ни то, ни другое не подходит для нынешних времен.

Милтон продолжал говорить.

- Будущее, на которое я надеюсь для этой страны, - это будущее, где все граждане имеют право участвовать в государственных делах.

Люди громко зашептались при его словах.

- Что это значит?

- Народ участвующий в государственных делах? Это вообще имеет смысл?

- Разве это тоже не утопия?

Милтон покачал головой в ответ на этот вопрос.

- Это пока еще только смутная идея.

Это была ложь. Эта идея выходила за рамки смутных представлений. В голове Милтона было множество определенных замыслов и планов. В конце концов, разве он не из такой страны, нет, из такого мира?

- Приведу несколько примеров: я хочу создать парламент, который будет определять важную политику страны, а люди в нем будут избираться избирателями. Другими словами, народ будет сам выбирать своих лидеров.

Люди зашевелились при этих словах.

- Что значит, мы будем лично выбирать лидеров?

- Возможно ли это?

Люди были встревожены, но Милтон продолжал говорить.

- Мы создадим государственные учреждения, которые будут заниматься администрированием и исполнением законов, и подберем людей со специальными знаниями в этой области. Чтобы подобрать столь талантливые личности, мы будем проводить тесты, в которых не будет дискриминации по статусу или классу.

Собравшимся было очень приятно услышать, что для приема на работу людей без дискриминации будут проводиться экзамены.

- Наряду с этим будут существовать правительственные учреждения, которые поддержат национальную оборону и общественный мир, а также экономику, гражданское строительство, налоги и так далее. Разделившись на различные области и отобрав талантливых людей для каждой из них, мы намерены создать мир, в котором любой человек, независимо от статуса, сможет занять ключевые позиции в стране, если у него есть способности. Я планирую назвать это демократией.

Впервые слово «демократия» прозвучало из уст Милтона. Он уже давно думал о ней, но у него не хватало смелости говорить об этом. Ему было хорошо известно, какое влияние окажет идея демократии на этот мир. Демократия была нетрадиционной идеей, которая могла пролить на этот мир больше крови, чем республиканизм. Демократия была самой сильной национальной основой в мире, в котором жил Милтон. Однако это далось нелегко. Эта же демократия была создана в результате борьбы и крови бесчисленных людей.

Потребовалось больше мужества, чем ожидалось, чтобы сказать такую вещь, как демократия, прекрасно зная, чего это потребует. Но, сколько бы Милтон ни думал об этом, демократия была необходима, чтобы успокоить хаотичный мир и найти баланс внутри своей страны.

Он прекрасно знал, что у демократии есть недостатки. Разве сам Милтон не умер от переутомления после жизни в обществе с неограниченной конкуренцией в предыдущей жизни? Но, несмотря на это, у него были воспоминания о мире, гораздо более развитом, чем этот, и, насколько он знал, демократия была лучшей системой.

Монархизм по своей природе был азартной игрой. Взлет и падение страны в значительной степени зависели от характера и способностей монарха. Республиканство было слишком идеальным. То, что они называли равным миром, было практически невозможно создать. Крича о том, что невозможное возможно, Республика только подстрекала и вредила обществу.

В конце концов, Милтон решил вытащить карту демократии. Однако, даже приняв это решение, на протяжении всего времени он пытался решить, когда и как вытащить эту карту... И вот, он воспользовался нынешним кризисом как возможностью и достал ее.

Толпа перешептывалась, слушая его, пока один из них не заговорил.

- Что вы получите, делая это? Разве вы не говорите пустые слова и не обманываете нас?

Окружающие люди кивнули, как будто это звучало разумно. Однако Милтон обратился ко всем окружающим его людям.

- То, что я получу, будет миром, о котором я мечтаю.

- Мечта?

- Что вы…

Люди были в замешательстве. Для людей этого мира мечта - это просто то, что они видят во время сна. Но для Милтона мечта - это будущее, на которое он надеялся, это желание, это то, чего он стремился достичь. Даже зная о разнице в определении, Милтон использовал слово «мечта», чтобы воспроизвести легенду. Легенду, которую знали все на Земле. Он использовал слово «мечта», чтобы позаимствовать кусочек этой легенды.

Эта легенда была…

- Все, у меня есть мечта.

У меня есть мечта.

Это была одна из величайших речей в истории Земли. Лично Милтон не считал себя выдающейся личностью. Однако он все еще мог позаимствовать слова великого человека из другого мира. В своей прошлой жизни Милтон снова и снова просматривал видеозапись выступления и каждый раз оставался под впечатлением. Он надеялся, что ему удастся передать хотя бы сотую долю тех эмоций, которые испытал при просмотре этого видео.

- У меня есть мечта. Это мечта о том, что будет мир, в котором мы все действительно примем истину, что все люди рождаются равными.

Толпа зашумела. Вес этих слов был слишком велик, чтобы просто сказать, что это были пустые слова.

- У меня есть мечта. Это мечта о том, что однажды дети дворян и дети простолюдинов сядут за стол вместе и подружатся.

Их сердца забились. Почему, черт возьми, оно так взволновано забилось? Они не знали причины, но слова великого герцога Форреста имели силу. Не только слушатели, но и сам Милтон, казалось, был опьянен силой своих слов, когда он вошел в толпу. Люди расступались каждый раз, когда он делал шаг вперед, но вскоре путь к отступлению исчез. Первоначально

Милтон думал оседлать Леонарда и отступить в любой момент, если ситуация выйдет из-под контроля, но он перекрыл себе путь к спасению и вошел в толпу. Среди собравшегося народа он продолжал порождать большие волны.

- У меня есть мечта. Это мечта, в которой люди Республики и люди Королевства могут встретиться друг с другом с бокалами вина вместо мечей.

Слезы потекли из глаз Милтона. Это определенно было притворством. Нет, он приехал сюда с намерением разыграть спектакль. Первоначально мужчина чувствовал себя немного виноватым за копирование такой великой речи и сомневался, сможет ли повторить ее. Но пока он говорил, то понял, что надеется на то, что это станет реальностью. Сам того не осознавая, он начал говорить от своего сердца.

- У меня есть мечта. Это мечта о том, что когда-нибудь наступит день, когда наши дети смогут свободно жить в мире, где их будут оценивать не по крови или статусу, а по их личности.

Он повысил голос.

- Это моя надежда. Мы должны мечтать и стремиться к этой вере вместе. С этой убежденностью мы сможем срубить гору отчаяния и создать камень надежды. Мы должны работать вместе, молиться вместе и бороться вместе за наши единые убеждения.

В тот момент, когда Милтон сказал это…

Хлоп… хлоп, хлоп, хлоп…

Кто это начал? Как только один человек начал, к нему присоединился еще один, десять, затем 100 человек зааплодировали. Это стало большой волной, и вскоре все начали хлопать и плакать. Толпа, которая была полна гнева и злобы, была тронута и восхищена речью Милтона.

http://tl.rulate.ru/book/64445/2318413